

Глава 1

С Уэстом Рейвенелом Феба никогда не встречалась, но знала наверняка: это мерзкий испорченный тип! Знала с восьми лет, когда ее лучший друг Генри принялся писать ей из школы-пансиона.

Уэст Рейвенел упоминался в этих письмах очень часто. Злой, бессердечный мальчишка, на поведение которого, как часто случается в закрытых школах, взрослые предпочитали закрывать глаза. Ведь считается неизбежным, что в таких местах старшие мальчишки подчиняют себе младших, запугивают, издеваются над ними, а кто жалуется — получает вдвойне.

«Дорогая Феба!

Я думал, в пансионе будет весело, а оказалось совсем не так. Тут есть один мальчик, его зовут Уэст, который все время отбирает у меня завтраки. Наверное, поэтому он здоровый как слон!»

«Дорогая Феба!

Вчера была моя очередь менять свечи. Уэст подсунил мне в корзину свечи для фейерверков, одна из них взорвалась, как ракета, и опалила брови мистеру Фартингу. Он врезал мне тростью по руке. Неужели непонятно, что я сам никогда бы этого не сделал — ведь на меня первого подумают! А Уэст даже не извинился. Говорит, он же не виноват, что учитель у нас идиот».

«Дорогая Феба!

Посылаю тебе портрет Уэста, чтобы ты знала его в лицо и, если встретишь, сразу бежала без оглядки. Рисую я так себе, поэтому он здесь похож на клоуна-пирата. Но вообще-то он и ведет себя как клоун-пират».

Четыре года напролет Уэстон Рейвенел всячески портил жизнь Генри, лорду Клэру, худенькому мальчику деликатного сложения и слабого здоровья. Наконец семья Генри забрала сына из школы, и он вернулся в Херонс-Пойнт, неподалеку от поместья родителей Фебы. Мягкий здоровый климат приморского курортного города, его знаменитые морские купания помогли Генри восстановить и силы, и бодрость духа. К большому удовольствию Фебы, Генри часто бывал у них дома, даже занимался вместе с ее братьями и их наставником. Ум Генри, остроумие, милые чудачества сделали его любимцем семьи Шоллон.

Был ли какой-то определенный миг, когда детская привязанность Фебы к Генри переродилась в нечто иное? Пожалуй, нет. Любовь росла в ней постепенно и незаметно, как растут тонкие серебристые лозы, чтобы в один прекрасный день на концах их распустились дивные цветы. Вот так и Феба, одним прекрасным днем взглянув на Генри, ощутила трепет любви.

Она мечтала о муже, который станет ей и другом, а Генри уже был ее лучшим другом в целом свете. Он знал все о ней, она — о нем. Казалось, лучшей пары и быть не может.

О браке Феба заговорила первой — и была поражена и расстроена, когда Генри попытался мягко ее отговорить.

— Ты же знаешь, я не смогу быть с тобой вечно, — сказал он тихо, обняв ее тонкой рукой и запустив пальцы в распущенные рыжие кудри. — Я болен, тяжело

и неизлечимо. Рано или поздно болезнь возьмет надо мной верх, и я не смогу быть ни настоящим мужем, ни отцом. От меня не будет никакого проку. А это несправедливо — по отношению и к тебе, и к детям. И даже ко мне самому.

— Почему ты так легко сдаешься? — воскликнула Феба, испуганная тем, с каким безропотным фатализмом он принимает свой таинственный недуг. — Мы найдем новых врачей. Выясним причину твоей болезни и отыщем лекарство. Как ты можешь бросать борьбу еще до начала сражения?

— Феба, — мягко ответил Генри, — мое сражение началось давным-давно. Большую часть жизни я провожу без сил. Сколько бы ни отдыхал, мне едва хватает духу продержаться до конца дня.

— У меня хватит сил на нас обоих! — Феба положила голову ему на плечо; все ее тело охватила дрожь от переполнявших чувств. — Я люблю тебя, Генри! Позволь мне позаботиться о тебе. Позволь быть с тобой столько, сколько отпущено Господом!

— Ты заслуживаешь лучшего.

— Генри, ты меня любишь?

Большие, мягкие карие глаза его блеснули влагой.

— Так, как только может мужчина любить женщину!

— Чего же нам еще желать?

Они поженились, и — девственник и девственница — только в первую брачную ночь со смехом и неловкой нежностью открыли для себя тайны любви. Вскоре появился на свет их старший сын Джастин, темноволосый, пышущий здоровьем мальчуган. Сейчас ему было четыре года. А два года назад, незадолго до появления на свет их младшего сына Стивена, Генри слег и вскоре скончался.

В последующие месяцы, полные скорби и уныния, Феба вернулась к родным, но места, где протекло ее

счастливого детство, принесли ей скудное утешение. Теперь же, когда траур был окончен, настало время начинать новую жизнь — жизнь вдовы с двумя маленькими детьми, жизнь без Генри. Как же это странно! Скоро она вернется в поместье Клэр в Эссексе — то, что унаследует Джастин, когда вырастет, — и постарается растить сыновей так, как хотел бы их дорогой, незабвенный отец.

Но сначала ей придется побывать на свадьбе у брата Габриеля.

Экипаж катил к старинному поместью под названием «Эверсби», и в животе у Фебы все туже сжимался комок страха. В первый раз после смерти Генри она ехала на многолюдное мероприятие и нервничала, даже зная, что будет окружена родными и друзьями. Но не только это заставляло ее тревожиться.

Невеста брата носила фамилию Рейвенел.

Габриель обручился с леди Пандорой Рейвенел, красавицей и умницей, обожающей его, кажется, не меньше, чем он ее. Пандору, искреннюю и всегда веселую, фантазерку, чем-то напоминавшую Генри, нельзя было не полюбить. Те ее родственники, с которыми Феба познакомилась во время их визитов в дом Шоллонов, тоже вызвали у нее самые добрые чувства. Была среди них Кассандра, сестра-близняшка Пандоры, и ее троюродный брат Девон Рейвенел, что недавно унаследовал графский титул и теперь именовал себя лордом Трениром. Его жена Кэтлин, леди Тренир, — очаровательная и приветливая дама. Словом, все было бы прекрасно, если бы на этом список родни заканчивался.

Но у судьбы обнаружилось извращенное чувство юмора: младшим братом Девона оказался не кто иной, как Уэстон Рейвенел.

Теперь Фебе предстоит знакомство с тем, кто отравил школьные годы Генри, и нет никакого способа этого избежать.

Уэстон живет в поместье брата, наверняка прикидывается важным джентльменом, а сам шатается без дела и швыряет на ветер Девоновы денежки! Припоминая, как описывал его Генри, Феба воображала себе этакого огромного ленивого медведя, что знай себе валяется на диване, пьет и пялится на прелести горничных, которые за ним прибирают.

Как несправедливо, что Генри, такому доброму и славному, было так мало отпущено судьбой, а кретины вроде Рейвенела запросто доживают до ста лет!

— Мама, на кого ты сердишься? — невинно поинтересовался Джастин, сидящий напротив.

Его старая нянька дремала в углу экипажа.

Феба мгновенно разгладила лицо:

— Милый, я вовсе не сержусь!

— Ты нахмурилась и губы надула, как рыбка, — возразил мальчик. — Ты так делаешь, когда на меня сердишься или когда Стивен опять намочил штанишки.

Опустив взгляд на малыша, который сидел у нее на коленях и дремал, убаюканный монотонным покачиванием экипажа, Феба пробормотала:

— Стивен сухой, и сердиться мне не на что. Просто... ты же знаешь, я давно не бывала в обществе, так что теперь немного робею. Страшновато снова прыгать в бурный поток.

— Знаешь, дедушка, когда учил меня плавать в холодной воде, говорил, что не надо сразу нырять с головой. Сначала надо зайти по пояс, подождать, пока тело привыкнет к холоду, а потом уже плыть. Попробуй и ты так, мама!

Феба невольно задумалась над этим советом, глядя на сына с радостью и гордостью. Весь в отца! Генри тоже был умным и чутким.

— Ладно, попробую входить в воду постепенно, — пообещала Феба. — Какой же ты у меня умница! И молодец, что прислушиваешься к людям.

— Я не ко всем прислушиваюсь, — веско сообщил Джастин, — а только к тем, кто мне нравится.

Из-за поворота появлялся величественный особняк времен короля Якова, и, встав на колени на сиденье, мальчик с восторгом смотрел. Когда-то дом служил укрепленной обителью для дюжины монахов. Стены мощного здания покрывала резьба, крышу венчали ряды тонких труб. Этот дом, казалось, крепко стоял на земле, но в то же время тянулся к небесам.

— Какой большой! — с благоговением произнес мальчик. — Все большое: и крыша, и деревья, и сад, и заборы... А что, если я здесь потеряюсь? — В его голосе не слышалось беспокойства — только неподдельный интерес.

— Если заблудишься, стой на месте, зови на помощь и жди меня, — ответила Феба. — Я всегда тебя найду. Но это тебе не грозит, милый. С тобой всегда кто-то будет, либо я, либо няня... Мы не дадим тебе заплутать.

Джастин скептически покосился на спящую старушку, потом снова перевел взгляд на Фебу, и губы его изогнулись в шаловливой улыбке.

Няня Брейгердл ходила еще за маленьким Генри; он любил ее всем сердцем, поэтому пригласил присматривать и за своими детьми. Это была настоящая добрая бабушка, дородная, спокойная и ласковая: мягкие колени ее словно были созданы для того, чтобы туда взбирались малыши, а пухлые плечи — чтобы, уткнувшись в них, оплакивали свои детские горести. Под пышным батистовым чепцом вились белые, как зефир, кудри. Физические нагрузки ее ремесла — будь то необходимость гоняться за юным непоседой по саду или поднимать из ванночки пухлого младенца — по большей части перешли к ее молодой помощнице, зато ум был по-прежнему ясен. Время от времени ей требовалось вздремнуть, но, не считая этого, она по-преж-

нему прекрасно справлялась со своими обязанностями.

По аллее тянулся караван экипажей, который вез целую орду Шоллонов, их слуг, а также гору кожаных чемоданов и сундуков. Территория поместья, как и прилегающие к ней крестьянские земли, была безупречно ухожена, живые изгороди и древние каменные стены увивали плетистые розы и глициния с нежными, трепещущими на ветру пурпурными цветами. Ближе к крыльцу, там, где останавливались экипажи, воздух был напоен ароматами жасмина и жимолости.

Экипаж остановился. Няня, вздрогнув, открыла глаза и принялась собирать вещи в саквояж, потом взяла у Фебы Стивена, и та вышла вслед за Джестином, который, разумеется, выскочил из экипажа первым.

— Джестин! — смущенно окликнула она сына, в то время как он маленькой юркой птичкой с хохотом пробирался сквозь толпу слуг и родных.

Феба видела вокруг множество знакомых лиц. На крыльце встречали гостей Девон и Кэтлин Рейвенел — лорд и леди Тренир. Были здесь и родители Фебы, и сестра Серафина, и брат Иво, и Пандора с Кассандрой, и еще десятки людей, совершенно ей неизвестных. Все громко разговаривали и смеялись, охваченные радостным предвкушением праздника. При мысли, что со всеми этими незнакомцами придется вести светские беседы, внутри у Фебы все сжалось в тугую комок. Да уж, искристого остроумия от нее сейчас ждать не приходится. Как жаль, что на ней больше нет траура и лицо не скрывает вуаль!

Краем глаза Феба заметила, что Джестин деловито взбирается на крыльцо. Феба легко коснулась руки няни, которая выходила из экипажа, и пробормотала:

— Я побегу за ним.

— Да, миледи, — с явным облегчением ответила та.

Феба даже радовалась, что Джастин помчался напрямиком в дом, — это дало ей возможность избежать тягостного общения с гостями.

В холле тоже было полно народу, но все же потише и поспокойнее, чем снаружи. Бурными потоками руководил какой-то джентльмен, раздавая указания пробежавшим мимо слугам. Волосы у него были темные, почти черные; при ином освещении он сошел бы за bruneta, но сейчас, в лучах света, льющегося из высоких окон, его прическа отливала золотом. Домоправительница что-то говорила ему насчет гостевых спален. Не прерывая ее, он бросил пробежавшему мимо слуге связку ключей, тот поймал ее на лету и поспешил дальше. Мальчишка-лакей, спешивший куда-то с целой башней шляпных картонок, споткнулся, чуть не упал, но мужчина, не прерывая своего занятия, протянул руку, поддержал его и поправил покосившиеся картонки.

Внимание Фебы привлекла энергия мужественности, которую излучал этот незнакомец. Больше шести футов росту, спортивного телосложения, загорелый дочерна — явно много бывает на воздухе, — но в элегантном, явно сшитом у хорошего портного костюме. Любопытно. Может, это управляющий?

Но тут ее мысли прервал сын. Заметив, что он отправился изучать замысловатую резьбу на перилах парадной лестницы, Феба вскрикнула, поспешив за ним:

— Джастин, ты куда без спросу? Надо было дожидаться меня или няню.

— Мама, смотри!

Проследив взглядом за пальчиком сына, Феба увидела в основании балюстрады изображенное неизвестным резчиком мышинное гнездо, а в нем целое хвостатое семейство, и расплылась в улыбке. Какой неожиданный, забавный штрих на фоне пышности и великолепия лестницы!

— Вот это мне нравится!

— И мне!

Джастин присел, чтобы получше разглядеть резьбу, но тут из кармана у него выпал стеклянный шарик и, со стуком ударившись о паркет, стремительно покатился прочь. Феба и Джастин беспомощно смотрели ему вслед, пока все тот же темноволосый незнакомец, вовремя выставив у шарика на пути носок своего ботинка, его не остановил. Домоправительница двинулась прочь, а незнакомец, подняв шарик, переключил внимание на Фебу и Джастина.

Глаза его на загорелом лице сияли какой-то неправдоподобной синевой, быстрая улыбка обнажала ровные белоснежные зубы. Незнакомец был невероятно красив, но по-мужски; некоторую жесткость и суровость черт лица смягчали едва заметные лучики морщинок у внешних уголков глаз. Казалось, этот мужчина дерзок и всегда готов посмеяться, но ощущалось в нем и жесткость, как будто он получил в жизни свою долю испытаний и иллюзий у него почти не осталось. И это, как ни странно, делало его еще привлекательнее.

Он неторопливо двинулся к ним, и, когда подошел ближе, Феба ощутила окутывающий его запах — приятный аромат свежести, солнца и ветра со сладковатой ноткой осоки и горьковатой — дыма, словно он грелся у торфяного костра. Ни у кого и никогда Феба не видела таких темно-синих глаз. И давным-давно уже ни один мужчина не смотрел на нее так — прямо, заинтересованно, даже, пожалуй, чересчур откровенно. Странное чувство охватило ее, сразу напомнив о первых днях брака с Генри: темное, смущающее, необъяснимое желание прижаться к мужскому телу. Но до сих пор она испытывала такое лишь к одному человеку — к своему мужу, и никогда не переживала такой огненно-ледяной встряски от одного лишь взгляда незнакомца.

Растерянная, смущенная, Феба отступила на шаг и потянула за собой Джастина, но тот не тронулся с места, очевидно решив, что должен первым представиться, и объявил:

— Я Джастин, лорд Клэр! Это моя мама, а папы нет, он умер.

Феба ощутила, как ее заливают краска, и не только лицо, а, должно быть, все тело до кончиков пальцев на ногах. А вот незнакомец, похоже, несколько не смутился. Присел на корточки, чтобы их с Джестином глаза оказались на одном уровне, и заговорил негромким низким голосом, тембр которого навел Фебу на мысль о мягком пуховом матрасе.

— Я тоже потерял отца, когда был почти как ты, — сказал он мальчику.

— Нет, я не потерял! — серьезно возразил тот. — Я точно знаю, где он: на небесах!

Незнакомец улыбнулся.

— Приятно познакомиться, лорд Клэр. — Двое мужчин, большой и маленький, церемонно пожали друг другу руки. Затем незнакомец поднес шарик к свету, разглядывая застывшую в прозрачной стеклянной сфере крохотную фигурку фарфоровой овцы, и, отдавая его Джестину, добавил: — Отличная вещица! Играешь в «выбей шарик»?

— Ага! — ответил мальчик. В этой игре требовалось кинуть свой шарик так, чтобы выбить из круга чужой.

— А в «двойной замок»?

Джастин помотал головой, глаза у него загорелись любопытством.

— А как это?

— Обязательно как-нибудь сыграем, если твоя мама не возражает. — И незнакомец бросил вопросительный взгляд на Фебу.